

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

Ю.М. Антонян*

КРИМИНОГЕННОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЛИЧНОСТЬ НА СТАДИИ РАННЕЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

***Аннотация.** В детстве могут сформироваться черты личности, например высокая тревожность и острая потребность в защите, которые являются результатом отчуждения от родителей и в дальнейшем могут стать мотивом преступного поведения. Ребенок должен быть «введен» семьей в общество, если же это не произошло, он скорее всего не проявит солидарности с ценностями и стандартами социальной среды. Отвергание ребенка родителями может стать осевым моментом его криминогенного будущего.*

***Ключевые слова:** юриспруденция, тревожность, защита, депривация, отчуждение, чувство вины, детство, ребенок, отвергание семьей, колициногенность семьи.*

Формирование личности, т.е. усвоение ею социальных ролей и правил поведения, развитие системы ценностей и мировоззрения начинается с самых ранних ступеней жизни человека, иными словами, от рождения. Период детства, в том числе самого раннего, является наиболее чувствительным, особенно чувствительным к внешним влияниям в онтогенетическом развитии человека. В зависимости от отношения других к ребенку он чувствует себя либо защищенным, либо нет. В последнем случае у него развивается, нарастает тревожность и потребность в защите, иногда такая сильная, что ему приходится мобилизовать для этого все свои силы.

Тревожность и потребность в защите становятся чертами личности, закрепляются в характере, частично уходя в бессознательное. Этот уход означает, что в дальнейшем они способны выступать в качестве мотивов поведения — скрытых, глубинных, смысловых — опять-таки на бессознательном уровне.

Если в дальнейшем моральное воспитание личности ущербно, тревога и защита вполне могут проявить себя в виде преступления.

Ощущая угрозу, человек начинает думать, что люди, все или очень многие, недостойны доверия и уважения, любви и дружбы, от них следует обороняться любыми способами, в том числе преступными. Одним словом, окружающий мир предстает угрожающим, подлым, гадким, несущим разрушение, поэтому и защищаться от него следует, не особенно разбираясь в средствах. Отсюда агрессия, корни которой следует искать в детстве, когда ребенок не чувствовал себя защищенным ни родителями, ни другими людьми, но ведь именно тогда он нуждался в опеке, любви и помощи так, что это наложило отпечаток на всю его жизнь.

Проведенные мною в разные годы конкретные криминологические исследования личности виновных в совершении насильственных преступлений против детей до 12 лет показывают, что в разные годы жизни они подверга-

© Антонян Юрий Миранович

* Доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, заслуженный деятель науки России

[antonyaa@yandex.ru]

123995, Москва, Г-69 ГСП-5, ул. Поварская, д. 25.

лись оскорблениям и унижениям со стороны родителей или лиц, их заменяющих, во всяком случае, действия последних они воспринимали именно так. Соответствующие переживания уходят в бессознательное, как бы забываются, но не исчезают из психики, ведя автономное существование. Затем эти вытесненные переживания вдруг всплывают, когда возникает ситуация, хотя бы отдаленно похожая на ту, которая была в далеком детстве. Особенно часто они приводят к совершению разрушительных действий, когда человек находится в нетрезвом состоянии; действия нередко направлены против детей и иногда создается впечатление, что, убивая ребёнка, на психологическом уровне он тем самым совершает самоубийство.

Можно считать установленным, что отсутствие эмоционального тепла в отношениях с ребенком, невключение его в позитивную психологическую матрицу семейных отношений, а тем более отвержение может самым роковым образом отразиться на его будущей жизни, стать началом подлинной катастрофы. У подавляющего числа людей, которые впоследствии совершили насильственные преступления, детство было именно таким. Родители отвергали их в явной форме: жестоко обращались с ними, унижали их человеческое достоинство, выгоняли из дома, не выполняли самые элементарные обязанности, как кормление и т.п. Повествование об этом периоде жизни даже у лиц старших возрастов почти всегда эмоционально окрашено, в нем «виноватые» родители получают самые нелестные эпитеты и оценки, выражается нежелание когда-либо видеть их. Рассказывают об этом с такими эмоциями, словно все произошло совсем недавно.

Негативное отношение родителей к ребенку и подростку, особенно если оно было сопряжено с истязаниями и побоями, способно порождать уже у взрослого человека мотивы мести за такое отношение, если связанные с этим переживания до сих пор носят актуальный, психотравмирующий характер.

Прибегают к насилию по отношению к родителям не только потому, что в детстве были жестоки с будущим преступником, избивали его, открыто унижали и издевались над ним, выгоняли из дома и т.д., но и в тех случаях, когда отвержение носит скрытый характер. Последнее означает, что внешне все выглядит благопристойно, забота и попечение вроде бы налицо, в чем, кстати, отец и мать могут быть искренне уверены, но настоящей любви и тепла ребенок не ощущает. Он чувствует себя покинутым и никому не нужным. В лучшем случае является объектом гиперопеки,

назойливого и жесткого контроля, при котором очень мало учитываются его желания и интересы. Его жизнь в семье становится как бы формальной, он просто пребывает в ней. Если обнаруживается, что отец и мать были неродными, это становится жутким ударом даже для вполне взрослого человека. Но вместе с тем у него, можно сказать, открываются глаза: он начинает понимать, почему они относились к нему плохо, причем нередко преувеличиваются проявленная по отношению к нему несправедливость и нанесенные ему обиды. Родители, родные и неродные, оказываются виноватыми во всем, что произошло с ним, во всех его неудачах и срывах.

Б., 27 лет, в процессе ссоры с женой (Ириной) нанес ей удар топором по затылку и несколько ударов ножом по телу, отчего она скончалась на месте. Вскоре в квартиру пришли его родители, которые сразу же обнаружили труп. Тогда Б. тем же топором зарубил их, все три трупа уложил на диван.

Следствием установлено, что в тот день Ирина, встав с постели, сказала мужу, что он ее никак не устраивает, и она найдет себе другого парня. «Меня это сильно задело, я очень разволновался, — пояснил Б. следователю, — тем более, что накануне я видел, как Ира, работавшая официанткой в кафе, целовалась там с клиентом».

О себе преступник рассказал следующее: «Моя жизнь проходила трудно во всем — с жильем, работой. Закончил 8 классов и ПТУ. Отец работал токарем, домой денег приносил мало, из-за чего с матерью ругались почти каждый день. Когда был маленький, били часто, очень часто: мать — ремнем, отец за уши таскал. Отец бил мать, а мать его. Меня они не ласкали, сказки не рассказывали, подарки, правда, делали, пару раз водили на елку, я все помню. Хотели меня куда-нибудь сплавить, даже в психбольницу, участкового подговаривали, подговаривали потом и жену, она была с ними заодно. Ей участковый сказал, «если что, звони мне». Она ему и жаловалась. Она моя единственная женщина за всю жизнь. Я начал с ней жить, когда мне было 16 лет, ей — 14 с половиной. Была ли она девственницей, не знаю. После как поженились, она много раз говорила, что изменяет. Говорила потому, чтобы заодно с родителями посадить меня, так как за эти признания я ее бил. Меня в милицию поэтому забирали часто, один раз дали 10 суток, это когда пожаловались родители. Я ей предлагал разойтись, но она отказалась, поскольку я требовал, чтобы она ушла к себе домой. Я думаю, что она сговорилась с матерью изжить меня скандалами

и оставить квартиру ей с ребенком. Обзывала меня тряпкой, немужиком; у меня действительно не всегда получалось в постели с ней, но других женщин у меня не было. Вообще друзей у меня давно нет, был один в школе, но когда я ушел из 8-го класса, наша дружба распалась. Часто менял место работы, обычно сама работа не нравилась, тяжело было, уставал».

Б. субъективно ощущал себя в безвыходном положении, в осаде, в одиночку отбивался от врагов, которые в лице родителей и жены окружили его со всех сторон; не случайно он их сложил вместе, друг на друга. Мира вне семьи у него попросту не было, поскольку не работал и друзей не имел. Закономерно, что стал агрессивным и постоянно прибегал к насилию. В 1988 г. в нетрезвом состоянии учинил хулиганские действия, нанеся удары участковому, тому самому, который, как он считал, был заодно с его родителями и женой. За два года до их убийства он узнал, что был неродным сыном, это оказалось для него весьма чувствительным ударом, агрессивность его существенно возросла. Он стал чаще прибегать к рукоприкладству, в том числе дома, а за полгода до описываемых событий в нетрезвом состоянии так жестоко избил собутыльника, что тот скончался от побоев. Об этом стало известно в ходе следствия по делу об убийстве Б. жены и родителей.

Анализ данного преступления, как и всех других, ни в коем случае не следует рассматривать в качестве попытки оправдания преступника, убившего четверых. Подобная попытка была бы заведомо обречена на провал, поскольку ничто не в состоянии обелить столь чудовищные действия. Мы лишь объясняем поведение Б. путем исследования его личности и жизни. Жена, которую он считал единственным близким человеком, постоянно изменяла ему, о чем совершенно не стеснялась говорить, что свидетельствует о ее презрении к мужу; собиралась уйти от него. Родители оказались неродными, и ему стало ясно, почему они так плохо относились к нему и все время хотели избавиться от него. Он постоянно пьянствовал, не работал и опускался на дно.

Конечно, далеко не каждый, кого родители унижают и оскорбляют в детстве и юности, решится на такой святотатственный поступок, как насилие в отношении отца или матери. Это бывает очень редко. Но все же тот, кто избивает своих детей, гонит из дома или «просто» не любит, должен подумать, что этим, быть может, роет свою собственную могилу.

Важно подчеркнуть, что если у ребенка

не удовлетворяются эмоциональные потребности, то у него может не сформироваться потребность в общении с людьми как следствие существования дистанции, образовавшейся между ним и родителями на раннем этапе жизни. В результате эмоциональной депривации (лишения) закладываются основы будущего социального и психологического отчуждения индивида, непонимания и неприятия им окружающей среды и ее ценностей, даже ожидания угрозы со стороны окружающего мира. Незрелость социальной по своему происхождению потребности в общении начинается в наиболее чувствительном периоде жизни человека.

Обобщаясь и углубляясь, названные социально-психологические образования становятся все более устойчивыми и ригидными, деформируют личность, приобретают стержневой характер, начинают самостоятельно развиваться. Создаются аномальные личностные структуры, которые затем начинают избирательно реагировать только на некоторые, как бы для них предуготовленные, социальные воздействия, отфильтровывая их из массы других. Эти структуры, а тем более вся структура личности в целом, ею не осознаваемые, поэтому возможности управления своим поведением весьма ограничены.

Психологическое отчуждение ребенка родителями является не единственной причиной формирования агрессивных и иных антиобщественных установок личности. Нередко это происходит и иным путем: у ребенка и подростка есть необходимые эмоциональные связи с родителями, но последние как раз и демонстрируют ему пренебрежительное отношение к нравственным и правовым нормам, отдавая предпочтение насильственным способам решения возникающих проблем, грубости и жестокости как повседневному образцам поведения. Подросток сравнительно легко все это усваивает, поскольку у него наличествует эмоциональный контакт с теми, кто подобное демонстрирует ему постоянно. Усвоенное начинает стимулировать его поведение.

Криминогенные последствия может иметь и то, что ребенка не приучают к выполнению своих обязанностей по отношению к другим, причем невыполнение их носит грубый, связанный с унижением другого, характер. Есть и другие криминогенные факторы семейного воспитания, но следует сосредоточиться на отчуждении ребенка как наиболее значимом явлении.

Отсутствие или значительное обеднение эмоциональных контактов ребенка с матерью и отцом, отвержение его одним из них и особенно обоими есть психологическое отчуж-

дение индивида, с которого начинается дальнейшая дезадаптация. Отвергание в детстве, таким образом, представляет собой и социальное отчуждение, порожденное конкретными отношениями, сложившимися в этой малой социальной группе. Следовательно, дезадаптация, наблюдаемая у многих преступников, имеет социально-психологическое происхождение.

Семья, включая детей в свою психологическую структуру, обеспечивает тем самым их первичную, но чрезвычайно важную социализацию, т.е. «через себя» вводит их в структуру общества. Если этого не происходит, ребенок отчуждается от него и в будущем, вероятно его дальнейшее отдаление от нравственных ценностей. В таком случае непроведение специальных воспитательных мероприятий может способствовать стойкому дезадаптивному существованию, сопровождаемому совершением преступлений для его поддержания. Последнее обстоятельство нужно подчеркнуть, так как просто наступление благоприятных, по мнению окружающих, условий жизни может не привести к желаемым результатам, поскольку эти условия субъективно будут восприниматься как чуждые для данного индивида, не соответствующие его ведущим бессознательным мотивационным тенденциям.

Отвергание родителями ребенка может принимать формы безразличия, недостаточного внимания и эмоциональной холодности. Оно может протекать явно, даже грубо и цинично, в форме издевательств, оскорблений, побоев, не проявления элементарной заботы, открытого пренебрежения родителями своими обязанностями. В случае скрытого отвергания (оно может не осмысливаться и самими родителями), при внешнем внимании и заботе, обычно жестком контроле и опеке эмоциональные контакты также отсутствуют. Взрослея и пытаясь обрести психологический комфорт, ребенок, а затем подросток, начинает искать связи в неформальных группах сверстников, часто создающихся на антиобщественной основе. Такие группы обычно состоят именно из отвергнутых детей, они ищут и находят в этих объединениях «коллективного отца», которого не смогли обрести в собственной семье, и не случайно так быстро попадают под влияние старших и более опытных людей. Поэтому стремление войти в подобные группы чрезвычайно велико, психологические связи в них крепки, несовершеннолетние легко усваивают групповые ценности и нормы, обычно расходящиеся с социально одобряемыми.

Выводы о криминогенной роли эмоцио-

нальной депривации ребенка в формировании мотивов будущего преступного поведения основываются на известном положении о том, что семья имеет центральное значение для развития личности. Каждый ее член естественным, спонтанным образом выполняет определенную роль в удовлетворении жизненных потребностей ребенка. В первый период — это мать, которая за ребенком не только ухаживает, но и предоставляет ему первые интенсивные эмоциональные стимулы, няньча его на руках, лаская, улыбаясь ему, разговаривая с ним.

Значение отца, представляющего определенный тип поведения, символ организации, а также источник уверенности и авторитета, осознается в более позднем возрасте, но оно существенно уже в ранние годы. У насильственных преступников, по моим наблюдениям, в детстве часто складывалась такая ситуация: властная, строгая, неласковая мать и слабохарактерный, безвольный отец, к тому же постоянно пьющий. На помощь такого отца подросток обычно не рассчитывает, даже если его часто обижают сверстники, а иногда очень жестоко избивают. Более того, он не может найти психологическую опору в отце и в последующей жизни.

Отсюда можно сделать весьма важный вывод: альтруистическое отношение матери к ребенку создает у него ощущение защищенности и безопасности, что помогает ему расширить позитивные контакты с другими лицами. Отсутствие такого отношения со стороны матери заставляет предположить возникновение ощущения угрозы, исходящей от среды, даже страха смерти.

Отметим следующее обстоятельство, важное для понимания любого поведения, преступного в особенности. Давно замечено, что человек, испытывающий психологический комфорт, редко задумывается над тем, что именно и какие внешние обстоятельства вызывают столь приятное состояние. Иное дело существование, даже кратковременное пребывание в психотравмирующих условиях. Здесь, напротив, он начинает искать то, что мешает ему жить, причиняет беспокойство, доставляет неприятные переживания. Этот поиск психологически накрепко связывает его с окружающими личностями и событиями, ставшими источником его бед. Если неблагоприятное влияние длительно, то со временем индивид попадает в жесткую зависимость уже от собственных переживаний по поводу указанных внешних обстоятельств. Такая зависимость начинает определять его поведение; именно она качественно отличает преступни-

ков, в первую очередь насильственных, от не-преступников. Остро, но однозначно реагируя на нежелательные воздействия среды, правонарушитель не видит иного выхода из создавшейся ситуации, кроме преступного.

Чем выше зависимость человека от собственных переживаний и чем болезненнее они, тем вероятнее совершение им безнравственных поступков. Есть основания думать, что эта личностная особенность формируется в раннем детстве, если ребенок лишен естественной родительской (в первую очередь материнской) теплоты и защиты. В этом случае он ищет причины своего беспокойства и тревоги, с этих позиций оценивает складывающиеся ситуации и со временем попадает под определяющее влияние тех психотравмирующих переживаний, которые возникают в неблагоприятных условиях.

Следует подчеркнуть, что отчуждение ребенка нефатально приводит к преступному насилию. Иные воздействия, в том числе специальные воспитательные, благоприятные ситуации, внимание и забота, проявленные к человеку на более поздних этапах развития, способны изменить его внутренние установки и побуждения и тем самым скорректировать его поведение. Однако психотравмирующие факторы на ранних этапах жизни при отсутствии затем других, благоприятных, компенсирующих обстоятельств, главным образом и формируют мотивы преступного поведения отчужденных личностей. Поэтому эти факторы могут рассматриваться в качестве первопричин, исходных побудителей такого поведения.

Таким образом, условия раннего воспитания ребенка обязательно сказываются на всей его жизни¹. Это воспитание с точки зрения предъявляемых к нему требований должно максимально обеспечить адаптацию личности к условиям социальной жизни и выполнению социальных норм, в первую очередь нравственных. Криминогенное влияние на личность ребенка или подростка заключается в стихийном или целенаправленном формировании антисоциальных, аморальных качеств либо в непротивлении формированию таких качеств. Трудно представить себе ребенка или юношу, должным образом вос-

принимающего моральные ценности от человека, который не обеспечивает ему защиту, с которым у него нет теплых эмоциональных связей.

То, что у человека с детства сформировались высокая тревожность и ожидание беды, вызывает к жизни особую мораль, в которой, в том числе на протяжении дальнейшего существования, отсутствует чувство стыда и вины за совершенные общественно опасные действия, не возникают страдания и самоупреки. Как показали наши исследования (совместно с Е.Г. Самовичевым), страдания у преступников возникают в основном из-за переживаемых ими лишений. Переживаемые страдания как бы «искупают» их вину, но согласно их внутренней, но бессознательной логике нельзя испытывать вину перед людьми, которые психологически далеки и не вызывают никаких положительных эмоций. Оказалось также, что в детстве и юности родители преступников не воздействовали на страдания своих детей, что позволило последним выражать их более непосредственно. Можно предположить, что в неблагополучной среде детства отвергнутых личностей им позволялось открытое выражение страдания, а поэтому они не овладевали такими состояниями. В будущем, когда перед ними начинала возникать проблема статуса и самооценки, страдание не становилось несовместимым с названными проблемами.

В ситуации переживания чувства вины у взрослых преступников можно наблюдать снижение интенсивности переживания чувств страдания и страха. Однако чувство вины возникает у преступников очень редко — нельзя же винить себя перед миром, который еще с детства ощущался злым, вероломным, жестоким.

Если формирующейся личности требуется защита, которой не оказывается, если она тревожна и неуверенна в себе и это становится стойкой ее чертой, в таком качестве ей трудно, а подчас и невозможно принять себя. Это означает, что она в принципе не согласна с тем, что собой представляет в собственных же глазах. Ее Я-концепция всегда будет ущербной; для того, чтобы принять себя, человек может утверждаться и особенно самоутверждаться разными способами, в том числе аморальными и противозаконными. Последнее становится очень возможным, если его моральным воспитанием вообще никто не занимался либо занимался тот или те, с которыми он не имел необходимых эмоциональных связей. Мой личный опыт обследования преступников показал, что значительное большинство из них воспитывались деспоти-

¹ Э. Эриксон очень точно заметил, что ребенок точно так же контролирует и воспитывает свою семью, как и она его. Семья может воспитать ребенка только в том случае, если сама будет воспитана ребенком. Развитие ребенка состоит из серии вызовов, которые он бросает своему окружению для того, чтобы оно обеспечило развитие его впервые возникающих потенциальностей, связанных с социальным взаимодействием // Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 105.

ческой, жесткой матерью при пассивном отце (или отца вообще не было), а в других случаях воспитанием не занимался никто.

Вернемся к чувству вины, которое имеет едва ли не ведущую роль в развитии нравственности и в филогенетическом, и в онтогенетическом аспектах. Его дефектность или отсутствие справедливо расценивается как серьезное нарушение нравственного сознания и структуры личности в целом. Неспособность человека переживать чувство вины за совершенный поступок резко затрудняет возможность воспитательного воздействия, а для него самого — возможность критического отношения к поведению, его переосмысления и перестройки, что, как известно, имеет первостепенное значение для исправления и перевоспитания преступников.

Если определить общую ситуацию возникновения чувства вины, то можно сказать, что вина возникает при неправильном действии. Человеку свойственно переживать вину, когда он осознает, что нарушил некоторое правило или преступил границу своих собственных убеждений. Психологическое содержание переживания вины состоит прежде всего в самоосуждении своего поведения, независимо от отношения к нему других людей. Способность же к самоосуждению основывается на том, что человек может принимать личную ответственность за свое поведение. Поэтому чувство вины возникает лишь в тех ситуациях, когда человек осознает ответственность за свои действия.

Наиболее существенным для возникновения переживания чувства вины является наличие у индивида некоторых достаточно жестко сформированных еще с детства критериев оценки своих действий, как «правильных», так и «неправильных». Эти критерии должны быть включены в структуру личности, войти в содержание ее «Я». Вина возникает, когда актуальные действия противоречат этим критериям. Первоначально, на ранних этапах развития личности, чувство вины — межличностное отношение, результат распределения между членами группы власти и ответственности.

Вместе с тем, как отмечал К.Г. Юнг, психика раннего детства — в известном смысле только часть материнской психики, а позже, вследствие общности психологической атмосферы в семье, так же и отцовской психики. Первое психическое состояние есть состояние слитности с психологией родителей. Собственная психология наличествует лишь в зачаточном виде. Именно поэтому нервные и психические нарушения у детей вплоть до

среднего школьного возраста основаны, можно сказать, исключительно на нарушениях психической сферы родителей. Трудности во взаимоотношениях родителей непременно отражаются в психике ребенка и могут вызывать в ней прямо-таки патологические нарушения².

В первые месяцы жизни у ребенка вообще нет Я-концепции, она начинает формироваться одновременно с процессом отделения себя от окружающего мира. Это длительный процесс, и если чувство вины не свойственно названному миру, оно не становится частью личности ребенка. В процессе развития ребенок формирует способность к переживанию чувства вины как черту своей личности. Если этические критерии оценки индивидом своего поведения не достигают уровня характерологического образования, то чувство вины возникает ситуативно; если же оно достигает уровня черты личности, то проявляет себя практически во всех формах ее функционирования, являясь постоянным контролирующим компонентом сознания.

В проведенном нами исследовании ставилась задача проследить особенности чувства вины у лиц, осужденных за насильственные преступления, выявить некоторые генетические корни этого чувства, сопоставить его со способностью и спецификой переживания вины правопослушными гражданами. Для этого было опрошено репрезентативное количество лиц, осужденных за убийства, а также законопослушных граждан (контрольная группа). Кроме того, преступники изучались с помощью 16-факторного личностного опросника Р. Кеттела.

В отношении преступников вообще и насильственных в том числе нередко высказываются мнения об их сниженной способности к переживанию вины по сравнению с правопослушными гражданами. Это проявляется в отношении к совершенному преступлению: очень многие считают себя частично или полностью невиновными, перекадывая вину на обстоятельства, потерпевшего и пр. Именно эмпирические наблюдения и заставляют предполагать их сниженную способность к переживанию вины.

Наши данные показывают несколько иную картину. Среди всех обследованных по методике Р. Кеттела осужденных для 71% наиболее выраженным оказался фактор, обозначаемый как «склонность к чувству вины». Таким образом, у осужденных за насильственные преступления выявляется противоречивая

² Юнг К.Г. Конфликты детской души. М., 1995. С. 57.

позиция: 1) склонность к отрицанию вины за совершенное преступление и 2) склонность к переживанию вины как черта личности. Данное противоречие возникает в основном за счет того, что оцениваются, в сущности, разные явления. В первом случае преступник отрицает, собственно, не свою вину, а внешнее обвинение. Отрицание может иметь смысл психологической защиты, защиты от осознания себя единственным источником преступных действий. Мы же, со стороны, воспринимаем его защиту как отрицание своей вины, что является весьма неточным. Нельзя забывать коренные различия между понятием вины в уголовном законе и субъективным пониманием вины.

Во втором случае оценивается не отношение личности к деянию, а некая личностная черта. Сущность данной черты для лиц с криминальными формами поведения Р. Кеттел и его соавторы оценивают как спо-

собность переживать чувство вины после совершения проступка. Для этих лиц переживание вины скорее реакция на слабость собственных сдерживающих, контролирующих психических образований, но не реакция на внешнее обвинение. Люди с высоким значением фактора «склонности к чувству вины» находятся как бы в постоянном конфликте со сдерживающим влиянием своих моральных убеждений. Поэтому можно предположить, что для них криминальный акт очень часто — весьма травматичный психологический «проигрыш». Отрицание (полное или частичное) своей вины за проступок может быть формой защиты от очевидности своего нравственно-психологического «краха». Исходя из этих соображений отрицание вины у характерологически «виновной» личности не является столь неожиданным и парадоксальным. Я бы сказал, что это «две стороны одной медали».

Библиография:

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. — М., 1996.
2. Юнг К.Г. Конфликты детской души. — М., 1995.

References (transliteration):

1. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis. — M., 1996.
2. Yung K.G. Konflikty detskoy dushi. — M., 1995.

Материал поступил в редакцию 25 апреля 2013 г.